

Николь ВОСКРЕСЕНСКАЯ

* * *

Я чувствую дождь,
когда он еще облака,
изгоем вернется, и маски в зеркале превратятся в лица.
Дождь никогда не кончится,
он будет длиться,
шуметь и литься со стен и потолка.

Намокнет небо из блеклого ситца,
осколками блюдец фарфоровых,
каплями молока,
так время в минутах станет греметь и дробиться,
в незримых часах секундная стрелка отстала слегка.

Пророчество,
обреченное сбыться,
где все что угодно только частица,
и грусть невесомая, как пыльца,
в сошедшей воде чешуей
останется, чтобы мерцать.

* * *

Реальность смотрит Дорианом Греем с портретов витрин,
провинциальный город сидит на тебе как влитой.
Наряжен, выглажен будто бы для смотрин,
как бы не стали экраны могильной плитой.

Не отражаться вовсе бы и не отражать,
трамвай, идущий в бесконечность, сбился с маршрута,
и выцветает луна за минуту до серого, как почтовая печать,
так, словно кто-то адреса перепутал.

Николь ВОСКРЕСЕНСКАЯ (Николенко Анастасия Алексеевна) родилась в 1990 году. Рифмовать строчки начала в раннем детстве. Принимает активное участие в литературной жизни города и края. Участвовала в «Лебсковских чтениях – 2014», участник «Книжного маркета Владивосток» – 2015 г., проводила литературные мастер-классы во Всероссийском детском центре «ОКЕАН». Кандидат политических наук. Член Союза писателей России. Живет во Владивостоке.

Когда ты выключишь свет,
музыка все еще будет звучать,
но не держи огонь, все равно не удержишь.
Так напряжен дверной глазок, пуста скважина без ключа,
когда однажды внутри тебя будто ломается стержень.

* * *

Удушлив запах розового куста в дождливый день,
уже прошедший пик цветения,
крадется угасанье в сумерках, что тень,
и мягкий аромат стал пасмурным, как наважденье.

Шиповник прячется от глаз между колючими кустами,
душист и душен, опадающ,
и цвета терпкого вина плоды, не прикоснись губами,
остерегайся колкости, шип лаской обжигающ.

Включи меня в путеводитель твоих снов,
обманна манкость самой горькой злой травы,
один есть ядовитее других всех сорняков,
но ягод, опьяняющих, тела красны.

ХАНАСТАСИС

Хаос воскрешения: Ханастасис,
из земли руками чуждую силу поднять,
не касаясь, так, словно в экстазе,
не пытаться укротить или понять.

А бродячая собака берет хлеб,
словно нищая старуха подаянье.
Возвращаться в место, ставшее пустым,
седым, как снег,
лучшее раскаянье и покаянье.

Ведь оно учило колдовать,
принимать обыденность, она одна правдива,
выцвела луны печальная печать,
отраженный свет так жжет, как жжет крапива.

* * *

Никогда не вспомнишь, что с тобой случилось,
когда было шесть,
и почему так легко покупать на ласку снова.
Твой бог колдун и веретник, и твоя правда – месть,
а имя как несуществующее слово.

Смеющийся ребенок знает всё,
скользящий и саднящий вальс затих на время,
как нарисованное мелом колесо,
одушевленным быть и пустота, и бремя

и превращаться в собственную тень,
но музыка, что без досады, вся фальшива,
изображение двухмерно, и мельтешит мигрень,
словно коня девятиногого распущенная грива.

* * *

Рвала и резала фотографии:
серые танки в черном лесу.
Мне не найти твоей эпитафии,
поминать некогда, недосуг,

оплакать то, уже прошло,
когда так громко играет марш,
«сейчас» – забвения порошок,
пустое будущее – наглый шарж.

Шарф как можно туже стянуть узлом,
фарш не прокрутишь, как время, назад.
Осознавая безликое зло,
в нем самого себя бы не опознать.

